

СООБЩЕСТВА СКОРБЯЩИХ

Горе — состояние преходящее, утрата — постоянное. И то и другое находит выражение в скорби — совокупности действий и поступков, через которые выжившие выражают свое горе и с помощью которых проходят через последовательные стадии осознания утраты¹. Процесс этот, как правило, переживается в кругу семьи, при поддержке друзей и родных.

Война часто приводила к разрыву семейных связей. Обратить вспять поток разлук и потерь не могло ничто. Однако с началом 1914 г. начался также и процесс объединения: по ходу войны люди, связанные родством или общим опытом, пытались черпать силы друг у друга. Возникали крепкие и во многих случаях стойкие узы. Процесс их образования и проявления станет основной темой этой главы.

Во всех затронутых войной странах стремительно развивалась взаимопомощь — именно таким образом многочисленные организации и отдельные люди занимались тем, чтобы сперва сообщить новости, потом — попытаться утешить, потом — увековечить память. Эти элементы оставались неизменными, однако язык, используемый для их выражения, серьезно видоизменялся.

Рассмотрение начальных стадий утраты я начну с *оповещений*: как друзья и родные узнавали страшные новости о гибели близких, что некоторым из них удавалось по этому поводу предпринять. Были такие, кто находился недалеко от линии фронта. При этом в условиях столь масштабного конфликта оказывалось крайне сложно, а то и вовсе невозможно выяснить местонахождение отдельных военнослужащих, как живых, так и мертвых, пропавших без вести или находившихся в резерве, в увольнении

или в процессе передислокации. Часто случались ошибки. Даже когда родным сообщали истинную информацию о ранении, им редко давали знать, что именно произошло и каковы у солдата шансы на выздоровление. Лакуну умолчания заполняли страхи и слухи. Теми же умолчаниями были наполнены и краткие официальные уведомления о гибели на боевом посту.

Как мы увидим далее, некоторым людям удавалось проникнуть в прифронтовой лабиринт и оказаться у постели раненого. Большинству — нет. Вместо этого образовалось множество различных организаций, действовавших от лица тех, кто не имел возможности добраться до близких, и дополнявших бюрократические формулировки более обстоятельными сведениями или простой констатацией фактов. Некоторые из этих организаций являлись официальными, но по большей части обычные люди объединялись, чтобы даровать скорбящим или не ведающим о судьбе близких единственное, по их мнению, действенное утешение: правду или ту ее часть, которую можно было подтвердить фактами.

Целый ряд организаций, поставивших себе целью рассеять туман путаницы, ложной информации и официальных иносказаний, занимались тем, что узнавали судьбы отдельных бойцов и устанавливали связь между оставшимися дома членами семей и теми, кто находился на фронте или в плену. Поиск сведений о судьбах военнослужащих и попытки утешить тех, кто понес утрату, создавали своего рода родственные отношения между семьями фронтовиков и теми, кто вызывался им помочь. Все, кто скорбел по павшим бойцам, были жертвами войны, и рассмотреть, какую они получали помощь (а также как помогали друг другу), — значит понять, какое значение приобретали в военное время межчеловеческие связи, как семейные, так и социальные, и как они помогали смириться с утратой.

Начиная с 1914 г. понятие родственных уз расширилось, чему способствовал процесс неформального или метафорического «вхождения в состав семьи». На некоторое время добровольцы Красного Креста, поисковики и чиновники *вливались* в семьи фронтовиков. Они, по сути, брали на себя роль родителей, жен, братьев и сестер, сотнями способов выражая то, что Мейер Фортес описывает как суть родства: ту или иную «приязнь» или «искусственное братство», основанное на «ряде нормативных

положений» «предписанного альтруизма», «уз нравственных обязательств оказывать друг другу помощь и поддержку», «этике великодушия», схожей с раннехристианскими понятиями милосердия².

Второй целью этого расширенного родства было утешение, как в военный, так и послевоенный период. Поддержку в первые дни после потери дополняли впоследствии иные формы материальной помощи. В этом в полную силу проявилась протестантская традиция благотворительности, однако и еврейские и католические организации также оказывали помощь вдовам, сиротам и пожилым родителям, потерявшим на войне своих сыновей. Мужчинам, раненым или заболевшим на фронте, требовалась долгосрочная помощь — они вливались в ряды жертв войны, которые одновременно и создавали такие организации, и обслуживались ими. Как и в ходе поиска сведений о судьбе отдельных бойцов, благотворительные организации пытались восполнить недочеты официальных властей, так как последние, в силу бездушия или занятости, не могли должным образом позаботиться о тех, кто пострадал от войны.

От утешения и поддержки всего один шаг до увековечения. Узы, связывавшие скорбящих — вдов, фронтовиков, инвалидов, молодых и старых, — находили внешнее выражение в церемониалах коллективной памяти. В День Перемирия и в другие важные даты всевозможные объединения и организации стремились напомнить о жертвах, как живых, так и погибших. Эти мероприятия нашли яркое отражение в разных областях межвоенной общественной жизни. Некоторые из вышеописанных явлений будут рассмотрены в этой главе. В двух последующих речь пойдет о двух разновидностях послевоенной скорби и увековечения. Первая — это спиритизм, вторая — сложная история воинских мемориалов.

ОПОВЕЩЕНИЯ

Для семей, члены которых находились на фронте, ожидание было тягостным и неизбежным. «Ежедневно, ежечасно... они вглядываются в неведомое», — писал один француз о родителях

военного времени. Матери с пустыми глазами, отцы, меряющие шагами комнату в попытке убедить себя, что с сыном ничего не случится, были во всех воюющих странах³. «Такой кошмар ничего не знать, быть в одиночестве... точно животное», — это слова отчаяния одной женщины, узнавшей впоследствии, что муж ее не вернется⁴.

Если ожидание завершала страшная весть, она приходила самыми разными путями. Во Франции оповещения военных властей о гибели на фронте получал мэр. В его обязанности входило передать их членам семьи. Когда он или его представитель выходили из мэрии, из школьных классов и с местных улиц за ними следило множество глаз, молодых и старых: все радовались, что на сей раз их обошли стороной, и переживали за тех, кого ищут⁵. В Великобритании члены семей рядовых получали письма, члены семей офицеров — телеграммы. Иногда сообщения поступали по телефону. В более дальние места, как правило, отправляли каблогаммы, иногда сопровождавшиеся телефонными звонками. В Австралии новости доставляли священники.

Задержки в доставке оповещений о гибели на действительной воинской службе были неизбежными. Порой — длительными. Родные поэта Уилфреда Оуэна узнали о его гибели только спустя неделю — как оказалось, погиб он точно в день Перемирия. Второй их сын, Гарольд, служил в военно-морском флоте и находился в Африке. На борт судна новости было доставить невозможно, почту он получил только около Рождества, спустя полтора месяца. Впрочем, Гарольд Оуэн утверждает, что знал все еще до получения письма от родных, ибо однажды вечером, в море, в декабре 1918-го, Уилфред предстал ему в «видении» у него в каюте⁶.

Людам, лишенным подобных телепатических способностей, приходилось дожидаться официального оповещения. Беда, однако, заключалась в том, что почти про половину убитых не было известно, где они похоронены, и очень многие продолжали терзаться сомнениями, действительно ли их близкий погиб. Если задуматься еще и о том, по какой огромной территории жизнь разбросала семьи воевавших, начинаешь понимать, что для миллионов мирных жителей по всему миру проверенные сведения оставались недоступной роскошью.

У ЛИНИИ ФРОНТА

У тех, кто проживал неподалеку от театра военных действий, имелась дополнительная возможность, недоступная тем, кто находился вдалеке. В случае своевременного оповещения они могли попытаться найти раненых близких и ухаживать за ними в госпитале. История одной английской семьи, которой удалось повидать сына перед его смертью, — это история исключительного везения. Меньше повезло тем, кто находился слишком далеко и не мог ни попрощаться, ни физически принять участие в ритуалах перехода, проводившихся на месте. Понимание того, где проживали участники событий, крайне важно для осмысления всего спектра откликов родных и близких на гибель любимого человека.

Малькольм Уэйкмен, 18-летний житель Манчестера, вступил в армию в 1917 г.; он происходил из семьи среднего достатка — отец его торговал строительными материалами. Малькольм успел поработать клерком-учеником в двух манчестерских банках и одной страховой компании — приобретал необходимые знания, чтобы стать компаньоном отца. Не успев закончить курс обучения на оператора беспроводного телеграфа в Манчестерской технической школе, Малькольм был призван в армию⁷. Он вступил в Королевские военно-воздушные войска и служил в должности пилота-наблюдателя на двухместном самолете.

14 июля 1918 г. Уэйкмен был перебросен во Францию. Это был обыкновенный паренек, не обладавший пылким воображением, с мировоззрением школьника. Он пишет родным о приключениях во время полетов, рассказывает историю жесткой посадки, после которой их с пилотом подобрали и привели в офицерскую столовую, «где накормили отличным ужином и первостатейным ланчем». Рассказывает, как самолет попал под обстрел зениток и второму пилоту пришлось стоять на крыле, зажимая ногой пробоину — чтобы не вытекало топливо. Он очень радовался, когда мать прислала ему карамелек и сахарных леденцов⁸. В последнем письме, от 1 октября 1918 г., он пишет: «Все у меня совершенно нормально»⁹.

На следующий день, в среду 2 октября, самолет его был сбит во время патрулирования немецкой линии фронта в районе Ипра. Родным в Манчестер телеграмма от Военного

министерства поступила четыре дня спустя, в 13:30 6 октября, в воскресенье: «С прискорбием сообщаем, что мл. лейт. М. У. Уэйкмен пропал без вести второго октября ждите письма. Секретарь Министерства ВВС». Примерно в 20:30 того же дня пришла вторая телеграмма: «Ваш сын ранен голову [sic], состояние нормальное эвакуирован базу ОС 53 эскадрильи»¹⁰.

Уэйкмены приняли решение немедленно выехать во Францию. Ночным поездом они добрались до Лондона, потом по железной дороге и по морю — до французского берега. В госпиталь рядом с Кале они прибыли в понедельник вечером и час пробыли у сына¹¹. Врачи считали, что раны в голову не опасны для жизни, других травм у молодого человека не было. Ему повезло — самолет не взорвался при жесткой посадке, хотя на борту был нерасстрелянный боекомплект. Второй пилот, лейтенант Бзил Пирс, погиб — раненый попросил родителей уведомить об этом его мать. Они согласились, поскольку миссис Пирс, как и Уэйкмены, получила оповещение, что сын ее пропал без вести¹². Получив заверения в том, что Малькольм поправится, мистер Уэйкмен решил 9 октября, в среду, вернуться в Англию. Миссис Уэйкмен осталась с сыном¹³.

В четверг, 10 октября, рентген показал, что в черепе у Малькольма засела пуля. Рану сочли неоперабельной, однако оставалась надежда, что он постепенно поправится¹⁴. Через неделю, 18 октября, в два часа ночи, миссис Уэйкмен позвонили в ее гостиницу, находившуюся примерно в двух милях от госпиталя, и попросили срочно до них добраться. Машин в наличии не было, и ей пришлось идти под дождем вместе с санитаром из Королевского армейского медицинского корпуса. У постели сына она оказалась около четырех утра. Он скончался примерно часом раньше¹⁵. В тот же день она отправила мужу телеграмму¹⁶. Армейский врач попросил у нее разрешения произвести вскрытие — результаты могли помочь в будущем оказывать помощь другим раненым. Она согласилась, а потом выяснила, где сын будет похоронен. В Англию она вернулась в субботу, 19 октября, еще до похорон¹⁷.

Погребение состоялось два дня спустя, в понедельник, 21 октября. Малькольма Уэйкмена положили рядом с офицером-американцем. В почетном карауле стояло около ста американцев. Капеллан, который провел отпевание, а до того

беседовал с Малькольмом, отправил его родителям личную записку: «Похороны прошли с должной торжественностью... Меня очень тронула невозмутимая сила духа вашего сына — его утрата для меня мучительнее, чем утрата любого из тех, кого я здесь предал земле, ни на миг не усомнившись в их грядущем воскрешении»¹⁸.

По возвращении домой миссис Уэйкмен некоторое время не вставала с постели. Муж ее оказался крепче — в частности, он занялся устройством дел своего сына. Вопреки ожиданиям, ему пришлось вступить в бюрократические пререкания с армейскими чиновниками. Не так-то просто оказалось вернуть личные вещи Малькольма. На это потребовалось два месяца и три письма. Потом потребовалось изменить дату его смерти: в армейских анналах значилось 20 октября, но Уэйкмены знали, что это ошибка. Она, впрочем, тоже была исправлена, хотя и не сразу¹⁹.

Все эти мелкие недоразумения были мучительны для потерявших сына родителей. Но сильнее всего Уэйкмена вывело из себя то, что ему отказали в возмещении расходов в сумме 8 фунтов 12 шиллингов и 8 пенсов, которые он понес ради того, чтобы оказаться рядом с сыном перед его смертью. Министерство ВВС готово было выплачивать деньги тем, кому по бедности такие расходы были не по карману, но для этого нужно было заранее посетить местный полицейский участок. Было сочтено, что Уэйкмена нельзя отнести к категории нуждающихся. Тут убитый горем отец взорвался. Он не «преступник», чтобы отмечаться в полицейском участке: у него не было времени на подобные формальности, он спешил на ночной поезд до Лондона. Кроме того, он был

удивлен тем, что Министерство ВВС позволяет себе обходиться с людьми столь мелочно и, я бы сказал, жестоко... Потраченная сумма является весомой для человека скромного достатка, а я имею сообщить, что не принадлежу к числу тех счастливиц, которые получают большие зарплаты за то, что бездельничают в государственных кабинетах, я же в последние годы не ходил с закрытыми глазами. У меня собственное дело, которое, к сожалению, сильно пострадало за период войны по причине недостатка рабочей силы, — в результате оборот упал в сравнении с довоенным вдвое.